

было принято еще 241 чел. из ликвидируемого лагеря № 33. Таким образом получается, что из лагеря согласно данным справки начальника лагеря, выбыло больше военнопленных, чем поступило, на 39 чел.

По данным, приведенным в работе М.Н. Спиридонова только в течение 1945–1946 гг. в лагере умерло 921 чел. Однако, опять же, по данным этого автора, из лагеря № 34 было репатриировано без учета переведенных в лагеря других регионов и помещенных в спецгоспиталя 13 269 военнопленных. Если к этому прибавить 1 502 военнопленных, отправленных в другие лагеря, то получаем цифру 14 771 военнопленных. Это количество военнопленных лишь на четыре человека меньше цифры, приведенной в итоговой справке начальника лагеря Щекина. Если даже к этим данным добавить 241 военнопленных, принятых из лагеря № 33, то и с учетом их смертность по лагерю № 34 не превышала двух процентов. Трудно предположить, что эти данные соответствуют действительности, поскольку условия содержания японских военнопленных в начале их пребывания на территории края не могли обеспечить такие показатели. В этом случае, можно предположить, что, либо данные об общем количестве военнопленных в лагере № 34 занижены, либо под количеством умерших могут значиться «отправленные» в другие лагеря. В любом случае, данные о движении военнопленных по лагерю № 34 требуют более тщательного исследования. Однако, несомненно и то, что условия проживания в этом лагере были наиболее благоприятными для японских военнопленных в сравнении с другими подобными лагерями на территории Иркутской и Читинской областях.

В.А. ШАЛАМОВ

ВОДОСНАБЖЕНИЕ В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ ПРИБАЙКАЛЬЯ В 1920–1930-е гг.

Вода является важнейшим ресурсом для человека, поскольку незаменима во всех аспектах жизнедеятельности. Особенно важна она для сельских жителей, так как от наличия воды зависит и урожайность растений, и количество домашних животных. Она имеет бесспорное значение и с точки зрения санитарии. Между тем изучению водоснабжения историками не уделяется достаточно внимания, хотя в Сибири проблемы обеспечения питьевой водой были всегда актуальны.

Источники пресной воды можно разделить на две группы: естественные (реки, озера, родники) и искусственные (колодцы, пруды). В изучаемом регионе традиционно использовали и те и другие источники, поэтому остановимся подробно на каждом из них.

Сибирь чрезвычайно богата естественными источниками воды. Однако распределяются эти богатства неравномерно. Большинство сель-

ских поселений региона возникало рядом с этими источниками, но это правило действовало не всегда. Ряд поселений возник вдоль тракта или железной дороги, вдали от водных артерий. Аграрное переселение с 1906 г. и до конца 1920-х гг. было плохо подготовлено с точки зрения водоснабжения. Так, в 1928 г. один из врачей писал, что «в Иркутском округе из 6 новых поселков 3 занимают низменное, отчасти заболоченное положение и 3 расположены в близком соседстве с болотом, а в Тулуновском округе из 14 зарегистрированных поселков 13 расположены по соседству с болотом» (Сазонов Н.И. *Санитарные условия современного переселения* // *Сиб. мед. журн.* 1928. № 4. С. 41). Часто переселенческие участки возникали возле рек и ручьев. Однако после интенсивной вырубki тайги эти источники воды, если не исчезали, то значительно мелели (Серебренников И.И. *Сибиреведение*. Харбин, 1920. С. 54–55; Бланков Б.И. *Санитарно-эпидемиологический очерк переселенческих районов Тулуновского округа* // *Сиб. мед. журн.* 1929. № 6–7. С. 210). Таким образом, Прибайкалье представляло собой пеструю картину по обеспеченности естественными источниками воды.

Из всей территории Сибири лишь 11% занимали удобные земли, находящиеся в пользовании земледельческого населения. Сельское население располагалось преимущественно по берегам рек, которые часто в весеннее половодье разливались на большие пространства и не просыхали все лето (Пулькис В.А. *Положение и перспективы санитарного дела в Сибирском крае* // *Сиб. мед. журн.* 1925. № 2. С. 16). С болотами старались бороться, осушая их. Так, в 1924 г. в районе села Голуметь (Черемховский район) и реки Картагон (Усольский район) были проведены мелиоративные работы. При этом жители Больше-Жилкино и Култука прокопали канал длиной 12 км, отведя русло реки Картагон в сторону села помимо болота. Однако, река вытекающая из болота и сильно загрязняемая населением стала источником эпидемии брюшного тифа, вспыхнувшего в 1926 г. (ГАНИИО, ф. 262, оп. 1, д. 149, л. 108; *Резолюция по докладом о санитарно-гидротехнических работах в Сибири* // *Сиб. мед. журн.* 1926. № 1. С. 78). Тем не менее, после мелиорации в районе этих сел, жители перестали болеть такими заболеваниями как малярия и брюшной тиф.

К этому нужно добавить загрязнение окружающей природы человеком. Например, в 1928 г. Иркутский Окргздрав произвел обследование сельских местностей. По отзывам населения, вода большинства рек признавалась удовлетворительной (из 13 только 4 не устраивало крестьян). При этом отмечалось, что берега рек обильно унавожены, как будто бы они специально предназначены для свалки нечистот. Вследствие данного обстоятельства вода крайне загрязняется и нижеследующие по течению реки поселения потребляют нездоровую воду. Подобная практика наблюдалась в Черемховском (Голуметь, Грязнуха), Усть-Удинском и Балаганском районах. Кроме того, загрязнению спо-

собствовали и другие факторы: поение скота и полоскание белья в местах водозабора, замачивание льна и конопли, строительство плотин из навоза, мусора и земли (*Шершнев. Санитарное состояние некоторых сельских местностей Иркутского округа // Сиб. мед. журн. 1929. № 11. С. 43–48*). Часто жители сельских поселений в зимнее время вывозили мусор на лед реки, что также не позволяет говорить о чистоте водоемов (*Аксаментова-Буслова А.К. Результаты гельминтологического обследования рыбацкого населения реки Ангары // Советская медицина Вост. Сибири. 1931. № 4–5. С. 43–44*). В результате население вынуждено было использовать заболоченную или загрязненную воду, что влекло за собой целый ряд заболеваний.

Из искусственных водоемов чаще всего был распространен колодец. Что он собой представлял? Все колодцы можно отнести к шахтовому типу. Срубы должны были быть плотные, без щелей, с целыми бревнами, чтобы вода не загрязнялась грунтом. Материал срубов в большинстве случаев лиственничный, причем многие колодцы имели своеобразную конструкцию: от уровня земли на глубину приблизительно 2 м вставлялся целый ствол лиственничного дерева, а потом уже шел обыкновенный сруб. Это предохраняло от проникновения в колодец почвенной воды и поверхностных сточных вод и кроме того узкий канал ствола защищал воду от замерзания в сильные морозы. Из водоподъемных сооружений можно было встретить журавль, ворот, блок, а иногда просто веревку и ведро. Над землей стенки колодца должны были возвышаться более чем на 0,5 м, что позволяло бы избегать попадания в колодец нечистот, но это соблюдалось не всегда. К этому следует добавить, что колодец должен был располагаться на значительном расстоянии от низменностей, пригонов и скотных дворов (*Сазонов Н.И. Указ. соч. С. 26–27*).

Описанный выше колодец представляет собой некий идеал далекий от реальной жизни. Для примера возьмем данные медицинских обследований сельских поселений Прибайкалья в 1920-е гг. Так, в 1928 г. Иркутским Окргдравом было зафиксировано, что из 61 обследованного колодца по отзывам населения признаются неудовлетворительными только 6, но содержание аммиака и хлора довольно высоко даже в удовлетворительной группе колодцев, что говорит о явной близости их к скотным дворам. По этому поводу было написано заключение: «Расположение колодцев обычно таково, что он роковым образом обречен на утрату своей ценности в качестве источника, доставляющего питьевую воду. Главная жалоба крестьян — на соленый вкус воды. Происхождение этой солёности — от непосредственной близости от места нахождения скота, так как имеется целый ряд благоприятных условий для проникновения в колодец навозной жидкости» (*Шершнев. Указ. соч. С. 43–48*).

Кроме того, повсеместно рядом с колодцем поили скот из специальных колод, отчего около колодцев можно было нередко встретить помет.

На вопрос обследователя, поится ли скот у колодца, селянин выражал недоумение: «а как иначе, где же поить скотину, как не у колодца». К этому следует добавить, что земля около колодцев нигде не замасливалась, не выстилалась бревнами, содержалась крайне небрежно, грязно, сыро. Сплошь и рядом к колодцу нужно было подходить зигзагами, перепрыгивая с камня на камень, чтобы не попасть в лужу (Сазонов Н.И. Указ. соч. С. 27). Все это, наряду с низкими стенками колодцев и отсутствием крышек, способствовало загрязнению источников водоснабжения.

Таким образом, и колодец мог стать источником заразных заболеваний и не всегда снабжал население пригодной для питья водой. Положительным моментом следует признать то, что очень часто, особенно в старожильческих селениях, колодец был у каждого хозяина, что исключало поголовное заражение острозаразными болезнями.

Следует особо остановиться на водоснабжении бурятских поселений. Особенно плохо с водой дело обстояло в Усть-Удинском районе, где приходилось пить воду из какого-нибудь ручейка шириной 30 см. Многие пользовались талой водой. При этом ямы для сбора воды содержались в антисанитарии, поэтому вода давала значительный осадок, была соломенно-желтого цвета и издавала затхлый запах (Шершнев. Указ. соч. С. 45). Впрочем, к таянию снега прибегали не только буряты. Например, доктор Б.Бланков, обследовавший в 1928 г. переселенческие участки Тулуновского округа, писал: «В некоторых участках положение с водоснабжением катастрофично. Население зимой прибегает к таянию снега. Местами население ездит за водой на значительные расстояния. Нам приходилось видеть у колодцев очереди за водой в 20–30 чел.» (Бланков Б.И. Указ. соч. С. 212). Положение в этих поселениях стало улучшаться только после строительства глубинных артезианских водопроводов.

Периодически медицинские работники Прибайкалья и Сибири ставили вопросы о необходимости принятия конкретных мер по оздоровлению источников водоснабжения сельского населения. Например, в резолюции 2-го краевого съезда здравотделов Сибири по докладу доктора В.А. Пулькиса было сказано о необходимости не только обследовать водоснабжение сельских поселений, но и устраивать показательные водоисточники и улучшать имеющиеся (Резолюции 2-го краевого съезда здравотделов Сибири // Сиб. мед. журн. 1927. № 1. С. 93). Также не раз говорилось о необходимости планировки сельских поселений, очистке источников водоснабжения, отведении мест для свалки нечистот.

Наибольших успехов удалось достигнуть после того, как на II Восточно-Сибирском краевом съезде советов было сказано, что в 1935 г. необходимо обратить внимание на культурный фронт. В передовом по культурному строительству Тулунском районе было проведено 57 воскресников чистоты, организовано 298 помойных ям, построено 1 770 уборных, 314 бань, не считая всех прочих мероприятий (ГАИО,

ф.р-862, оп. 2, д. 94, л. 23–31). Впрочем, эти сведения можно отнести к пропагандистским мерам.

На деле не все обстояло так благополучно. Ведь борьба за санитарию не может проводиться методом штурма. Это долгая повседневная работа. Санитарные комиссии после кампании, как и в 1920-е гг. работали спустя рукава. Еще в 1929 г. один из врачей писал: «Места свалок должны быть намечены сельсанкомом или сельсоветом в административном порядке, на достаточно почтительном расстоянии от последних жилых строений и от берега речки. Впрочем, в силу бытовых привычек без достаточно настойчивого наблюдения намечать такие отвалы можно чисто платонически, так как жители все равно вряд ли будут вывозить нечистоты на эти свалки» (*Шершнев. Указ. соч. С. 44*). Спустя 10 лет в конъюнктурном обзоре по Иркутской области за 1939 г. мы можем узнать, что все прежние недочеты так и не были устранены. По-прежнему отсутствовала планировка населенных мест. Работа по водоснабжению признавалась слабой, особенно в национальных районах. На строительство колодцев не хватало средств, и население использовало речную или озерную воду. Очистка территории проходила кампанийски и неудовлетворительно. Нечистоты зачастую сваливали в водоемы, из которых сами же брали питьевую воду. Как следствие — сельяне болели заразными недугами чаще горожан. Например, в 1937 г. на 10 тыс. горожан было зарегистрировано 1,9 заболеваний сыпным тифом, а сельчан — 3,5 (*ГАИО, ф.р-1893, оп. 2, д. 27, л. 10, 153–154*).

Таким образом, одним ударом ликвидировать недостатки водоснабжения населения не удалось. Многие из этих проблем не решены до сих пор. Они требуют постоянной работы, как представителей местной администрации, так и санитарных врачей, а также соблюдения санитарных норм самими сельскими жителями. Только так можно добиться каких-нибудь существенных результатов.

Подводя итоги, следует отметить, что в Прибайкалье в 1920–1930-е гг., несмотря на наличие естественных источников воды, население испытывало водяной голод. Главные причины этого: хаотичное и бесплановое строительство сельских населенных пунктов, нещадная эксплуатация природных богатств, а также отсутствие у населения самых элементарных навыков санитарии. Отмечается невероятное загрязнение как естественных, так и искусственных источников воды. Попытки властей решить проблему быстрыми шагами привели лишь к кратковременному успеху. Требовалась более вдумчивая, медленная работа множества инстанций (сельсоветов, санитарных комиссий, врачей), которая, на наш взгляд, дала бы более действенный эффект. Однако эта кропотливая работа не устраивала советскую власть, так как хотелось видеть результаты уже сейчас, поэтому эти задачи оказались не решенными еще несколько десятилетий.